

Исаак Бабель — выдающийся мастер рассказа, писатель, который прославил родную Одессу, сценарист и драматург, журналист и военный корреспондент. В его творческом багаже — около сотни рассказов. Его непревзойденный стиль повлиял на формирование творческой манеры Ильфа и Петрова. Мастерство писателя высоко оценил аргентинский прозаик Хорхе Луис Борхес.

Кто может лучше рассказать об Одессе, чем коренной одессит? Как признавался сам автор, он ничего не выдумывал, писал только о том, что знал до мелочей. Именно поэтому персонажи Бабеля такие живые и полнокровные.

В районе Молдаванки царит банда знаменитого Короля налетчиков — Бени Крика. Бенья — одесский Робин Гуд, которого боятся богачи и полицейские. Каждый день он планирует для своих отчаянных сорвиголов новое рискованное дело. Узкие приморские улочки, романтика разбойничьих авантур и перестрелок, симпатичные герои, неунывающие и порой смешные...

В сборник вошли «Одесские рассказы», «Листки об Одессе», повесть «Конармия», киноповесть «Бенья Крик», а также «Дневник 1920 года».

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4545-7

9 786171 245457

Исаак Бабель

Одесские рассказы

Исаак Бабель
Одесские рассказы

Исаак Забелъ
**Одесские
рассказы**

УДК 821.161.1
Б12

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:
Бабель И. Собрание сочинений : В 4 т. / Исаак Бабель. —
М. : Время, 2005.

Дизайн обложки *агентства «Тим+»*

ISBN 978-617-12-4545-7

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

**ЛИСТКИ
ОБ ОДЕССЕ**

ОДЕССА

Одесса очень скверный город. Это всем известно. Вместо «большая разница», там говорят — «две большие разницы» и еще: «тудаю и сюдою». Мне же кажется, что можно много сказать хорошего об этом значительном и очаровательнейшем городе в Российской Империи. Подумайте — город, в котором легко жить, в котором ясно жить. Половину населения его составляют евреи, а евреи — это народ, который несколько очень простых вещей очень хорошо затвердил. Они женятся для того, чтобы не быть одинокими, любят для того, чтобы жить в веках, копят деньги для того, чтобы иметь дома и дарить женам каракулевые жакеты, чадолюбивы потому, что это же очень хорошо и нужно — любить своих детей. Бедных евреев из Одессы очень путают губернаторы и циркуляры, но сбить их с позиции нелегко, очень уж стародавняя позиция. Их и не соблюют и многому от них научатся. В значительной степени их усилиями — создалась та атмосфера легкости и ясности, которая окружает Одессу.

Одессит — противоположен петроградцу. Становится аксиомой, что одесситы хорошо устраиваются в Петрограде. Они зарабатывают деньги. Потому что они брюнеты — в них влюбляются мягкотелые и блондинистые дамы. И вообще — одессит в Петрограде имеет тенденцию селиться на Каменноостровском проспекте. Скажут, это пахнет анекдотом. Нет-с. Дело касается вещей, лежащих глубже. Просто эти брюнеты приносят с собой немного солнца и легкости.

Кроме джентльменов, приносящих немного солнца и много сардин в оригинальной упаковке, думается мне, что должно прийти, и скоро, плодотворное, животворящее влияние русского юга, русской Одессы, может быть (*qui sait?*¹), единственного

¹ Кто знает? (*фр.*)

в России города, где может родиться так нужный нам, наш национальный Мопассан. Я вижу даже маленьких, совсем маленьких змеек, предвещающих грядущее, — одесских певцов (я говорю об Изе Кремер) с небольшим голосом, но с радостью, художественно выраженной радостью в их существе, с задором, легкостью и очаровательным — то грустным, то трогательным — чувством жизни; хорошей, скверной и необыкновенно — *quand même et malgré tout*¹, — интересной.

Я видел Уточкина, одессита *pur sang*², беззаботного и глуповатого, бесстрашного и обдумчивого, изящного и длиннорукоего, блестящего и заику. Его заел кокаин или морфий, заел, говорят, после того, как он упал с самолета где-то в болотах Новгородской губернии. Бедный Уточкин, он сошел с ума, но мне все же ясно, что скоро настанет время, когда Новгородская губерния пешечком придет в Одессу.

Раньше всего в этом городе есть просто материальные условия для того, например, чтобы взрастить мопассановский талант. Летом в его купальнях блестят на солнце мускулистые бронзовые фигуры юношей, занимающихся спортом, мощные тела рыбаков, не занимающихся спортом, жирные, толстопузые и добродушные тела «негоциантов», прыщавые и тощие фантазеры, изобретатели и маклера. А поодаль от широкого моря дымят фабрики и делает свое обычное дело Карл Маркс.

В Одессе очень бедное, многочисленное и страдающее еврейское гетто, очень самодовольная буржуазия и очень черносотенная городская дума.

В Одессе сладостные и томительные весенние вечера, пряный аромат акаций и исполненная ровного и неотразимого света луна над темным морем.

В Одессе, по вечерам, на смешных и мещанских дачках, под темным и бархатным небом, лежат на кушетках толстые и смешные буржуа в белых носках и переваривают сытный ужин... За кустами их напудренных, разжиревших от безделья

¹ Все же и несмотря ни на что (*фр.*).

² Чистокровный (*фр.*).

и наивно затянутых жен пламенно тискают темпераментные медики и юристы.

В Одессе «люди воздуха» рыщут вокруг кофеен для того, чтобы заработать целковый и накормить семью, но заработать-то не на чем, да и за что дать заработать бесполезному человеку — «человеку воздуха»?

В Одессе есть порт, а в порту — пароходы, пришедшие из Ньюкастля, Кардифа, Марселя и Порт-Саида; негры, англичане, французы и американцы. Одесса знала времена расцвета, знает времена увядания — поэтичного, чуть-чуть беззаботного и очень беспомощного увядания.

«Одесса, — в конце концов скажет читатель, — такой же город, как и все города, и просто вы неумеренно пристрастны».

Так-то так, и пристрастен я, действительно, и может быть, намеренно, но, *parole d'honneur*¹, в нем что-то есть. И это что-то подслушает настоящий человек и скажет, что жизнь печальна, однообразна — все это верно, — но все же, *quand même* *en malgrê tout*, необыкновенно, необыкновенно интересна.

От рассуждений об Одессе моя мысль обращается к более глубоким вещам. Если вдуматься, то не окажется ли, что в русской литературе еще не было настоящего радостного, ясного описания солнца?

Тургенев воспел росистое утро, покой ночи. У Достоевского можно почувствовать неровную и серую мостовую, по которой Карамазов идет к трактиру, таинственный и тяжелый туман Петербурга. Серые дороги и покров тумана придушили людей, придушивши — забавно и ужасно исковеркали, породили чад и смрад страстей, заставили метаться в столь обычной человеческой суете. Помните ли вы плодородящее яркое солнце у Гоголя, человека, пришедшего из Украйны? Если такие описания есть — то они эпизод. Но не эпизод — Нос, Шинель, Портрет и Записки Сумасшедшего. Петербург победил Полтавщину, Акакий Акакиевич скромненько, но с ужающей властью затер Грицко, а отец Матвей кончил дело, начатое Тарасом. Первым человеком, заговорившим

¹ Честное слово (*фр.*).

в русской книге о солнце, заговорившим восторженно и страстно, — был Горький. Но именно потому, что он говорит восторженно и страстно, это еще не совсем настоящее.

Горький — предтеча и самый сильный в наше время. Но он не певец солнца, а глашатай истины: если о чем-нибудь стоит петь, то знайте: это о солнце. В любви Горького к солнцу есть что-то от головы; только огромным своим талантом преодолевает он это препятствие.

Он любит солнце потому, что на Руси гнило и извилисто, потому что и в Нижнем, и в Пскове, и в Казани люди рыхлы, тяжелы, то непонятны, то трогательны, то безмерно и до одури надоедливы. Горький знает — почему он любит солнце, почему его следует любить. В сознательности этой и заключается причина того, что Горький — предтеча, часто великолепный и могучий, но предтеча.

А вот Мопассан, может быть, ничего не знает, а может быть — все знает; громыхает по сожженной зноем дороге дилижанс, сидят в нем, в дилижансе, толстый и лукавый парень Полит и здоровая крестьянская топорная девка. Что они там делают и почему делают — это уж их дело. Небу жарко, земле жарко. С Полита и с девки льет пот, а дилижанс громыхает по сожженной светлым зноем дороге. Вот и все. В последнее время приохотились писать о том, как живут, любят, убивают и избирают в волостные старшины в Олонецкой, Вологодской или, скажем, в Архангельской губернии. Пишут всё это самым подлинным языком, точка в точку так, как говорят в Олонецкой и Вологодской губерниях.

Живут там, оказывается, холодно, дикости много. Старая история. И скоро об этой старой истории надоест читать. Да и уже надоело. И думается мне: потянутся русские люди на юг, к морю и солнцу. Потянутся — это, впрочем, ошибка. Тянутся уже много столетий. В неистребимом стремлении к степям, даже, м[ожет] б[ыть], «к кресту на Святой Софии» таятся важнейшие пути для России.

Чувствуют — надо освежить кровь. Становится душно. Литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придет оттуда — из солнечных степей, обтекаемых морем.

ЛИСТКИ ОБ ОДЕССЕ

ПЕРВЫЙ

В Одессе есть два клуба, имеющих отношение к искусству. Один — Литературка, Литературно-Артистическое общество, другой называется Семейным собранием тружеников сцены или что-то в этом роде. В первом собираются настоящие артисты, настоящие журналисты, надушенные барышни, надушенные дамы, толстые буржуа, тонкие молодые люди. Другой создан куплетистами, имитаторами, маленькими танцовщицами, жуликоватыми администраторами и королевами бриллиантов. Литературка, может быть, прекрасное учреждение, но сердце мое лежит к маленькому клубу. — Никто в нем никогда, может быть, не слышал об акмеистах, о стихах Ахматовой, о Незнакомке Блока, но, говоря по совести, акмеисты есть и не будут, Ахматова сладостно встревожит утонченные сердца и угаснет, а угаснет ли — *la bonne chose*¹ — веселая любовь, угаснет ли нескладная сказка об умирающем солдате, забудется ли плачевная повесть о толстяке, о толстяке столь толстом, что любовь — *la bonne chose* — становится ему, увы, не под силу. В своем кабаре имитаторы и администраторы говорят о вечных вещах, плачутся на дороговизну, выбивают дробь подошвами и убедительно требуют мира. Нынче они пацифисты, раньше были милитаристами. Раньше публика любила мирную и залихватскую песню о голубых занавесках, о жгучих объятиях городских дам с усаатыми молодцами-ротмистрами, а нынче нет дров и надо же поговорить по душевному — убивать худо, немцы рабочие люди, довольно белых крестов на безвестных дорогах, хватит с вас империалистов и Константинополей. Так думает публика, так думают куплетисты. Куплетисты знают свою публику, знает ли публика их?

Давайте побродим по залу и посмотрим на «тружеников сцены». Можно сказать сразу — революция не обошла их и одарила прекраснейшим своим благом — великолепным

¹ Прекрасная вещь (*фр.*).

чувством товарищества. Чем были они раньше? Тревожными приживалами толпы, рассеянными по окраинным сценам, отданные во власть невежественных кулаков. Если исключить веселье, родившееся с нами, и многочисленные и преходящие обиды — что осталось бы от их багажа?

Теперь же после дня работы и соперничества они могут в клубе своего Союза, подержав друг друга за пуговицы, вдохновенно поспорить на живописном одесском языке о повестке дня. (А ведь никто не догадывался раньше, что повестка дня может придти к чревоушателю). Они могут сделать себя председателями, товарищами председателя и взорвать мирное течение жизни конфликтом на принципиальной — *nom de Dieu*¹ — почве. Эти люди по-настоящему любят свой Союз и с наслаждением, с азартом играют в председателей и конфликты. Они удосужились, наконец, спеть друг для друга, постучать подошвами друг для друга и съесть у себя, в своем *nom*² дежурное блюдо за 1 р. 25 к. — малороссийские колбаски с капустой. Этим людям есть за что любить свой Союз.

* * *

Куплетисты бывают двух родов — одни сами пишут для себя куплеты, другим пишут присяжные пииты. Если нужно, куплеты стряпаются тут же на месте за двадцать пять рублей. Тарелка с колбасками отодвигается, заказчик поет рефрен и — даст же бог человеку такой талант — стихи льются, а певец смотрит на писателя нежно и уважительно. Еще уважительнее относятся к поэтам женщины — *diseuses*³ — они ведь совсем беззащитны. Вот сидят они — белые и доверчивые или черные и востроносые и покойно ждут; перед ними склонилась лысая голова необходимого человека, карандаш бегаёт по бумаге и через несколько дней «Эдисон» в Херсоне или «Радио» в Кишиневе будут образованы новыми птицами, новыми песнями.

В клубе очень много одесских, разбитых еврейских прожженных в горниле быстрой жизни мальчиков. Они носят

¹ Божье имя (*фр.*).

² Дом (*фр.*).

³ Рассказчицы (*фр.*).

«френчи», теплые кепи, на многих многозначительно и изящно красуются георгиевские ленточки, потому что они умеют быть храбрыми — эти одесские мальчики.

Знаете ли вы их биографию? Она не сложна. Они родились на Молдаванке или на Базарной. Отец их маклер, «человек воздуха», мать — многосемейная, толстая, крикливая еврейка. Где получают эти дети воспитание? О, у нас есть Городской театр, кинематографисты с дивертисментами, гимназии со словесностью и бильярды, насыщенные греками, старичками, мазунами и арапами. В этих учреждениях любознательный, чего-нибудь стоящий мальчик получит наилучшее в мире воспитание. У Городского театра, в Театральном переулке, против много говорящей нашему сердцу Северной, есть заветная решетка. У решетки этой растягиваются хвостом люди, для того, чтобы получить билет на галерку. У решетки степенно, а иногда и нестепенно ходят барышники и таинственно ведут переговоры с решительными уличными мальчишками. В хорошую погоду, когда сияет наше солнце, пахнущее морем из Карантинной гавани и цветами с Екатерининской, окна Северной раскрываются и на подоконники ложатся шансонетки, только что проснувшиеся — теперь 12 часов и сияет солнце, — шансонетки с золотистыми волосами, с белыми плечами, сытые, нежные, заграничные, теплые после ночи любви с папенькиным сыном. И мальчики у решетки знают, кто такая эта шансонетка, я скажу вам, что они знают, сколько бумажек надо положить под батистовую наволочку этой золотистой заграничной женщине.

Эти мальчики, отцы у которых маклера, неизменно поступают в первый класс гимназии — маклера любят образование, это знает всякий. Мальчик проделывает два класса, но ему душно в покойных стенах, он веселый человек — и скоро его приветствует, принимает в свое лоно державная одесская улица, синематограф с дивертисментом, бильярдная с арапами. Наш мальчик любил театр, умея говорить по-одесски, жизнь текла быстро — она ведь наполнена радостями и колкими, быстро улетающими печальями, — и вот теперь он ходит в коричневом кепи, имеет свой Союз, своего председателя,

свою подругу, своего директора, своего писателя, свой «Эдисон» или «Орион» и свое веселье, возвращенное улицей.

У столика сидит «директор» Андр. Любецкий. (Нет нужды напоминать нам, что его зовут Абр. Якрес.) Рядом с Любецким — куплетист, Орловский; рядом с куплетистом — агент Р.

Агент молчит, но лицо его исполнено выразительности. Оно говорит вот что: «Все вы жулики. Я это знаю. Я помолчу, но деньги вы мне заплатите, иначе я вытряхну из вас внутренности. Помолчим, послушаем. Все вы жулики и я жулик». Так думает агент. Директор сидит с угнетенным лицом, тоскующим о несправедливости людской.

— Ты безумной души человек, Андрюша, — говорит ему автор-куплетист. — Ты необычайной души человек, Андрюша. Ты дал ему десять, ты не должен дать больше. Прошу тебя, Андрюша, убеди себя, что с твоей душой ты не проживешь. С волками жить, Андрюша, по-волчьи выть.

Андрей Якрес слушает — Андрей умилен. Он растроган.

Андрюша во время японской кампании — был в Вержболове, во время немецкой кампании был в Харбине, Андрюша торговал хирургической резиной, состоял агентом на предмет присуждения наград на выставках, Андрюша призывался после революции на 41 году безгрешной жизни, он строит теперь «Свободный театр для пролетариата» — и все же он умилен своей добротой.

— Ты безумной души человек, Андрюша, — говорит ему автор-куплетист.

Иду дальше. В уголку киснет Раскатов — безработный человек. Длинный нос его уныло смотрит кончиком в землю. Он съел уже дежурное блюдо, теперь пьет бледный чай. Емкость ужина — полтора рубля в долг.

На руках у Раскатова прыщи.

— Что это, Сема? — спрашиваю я.

— Кровь у меня кипит, — отвечает Сема. — Был у доктора. Он говорит — вам надо утилизировать женщин. Но когда я безработный? Сойдешься, потом не отстанет, я же необыкновенный. Это всякий знает, что я необыкновенный, — грустно подтверждает Сема, — они ко мне липнут,

как я потом прокормлю? Не хочу утилизировать. У меня такие теперь мысли — пусть кипит.

— Что кипит?

— Кровь пусть кипит, — безнадежно машет рукой Сема.

ВТОРОЙ

Я брожу между столиками, толкаюсь между людьми, ловлю отрывки фраз. Мимо меня проходит С., имитатор женских танцев. В бледном юношеском лице его, в небрежных желтых мягких волосах, в безвольной, далекой, бесстыдной улыбке — чувствуется печать его особенного ремесла, а ремесло его — быть женщиной. У него походка вкрадчивая, замедленная, извилистая; он чуть-чуть раскачивается. Его любят женщины, настоящие женщины. Он сидит среди них с своим лицом бледного юноши, с желтыми и мягкими своими волосами, молчит и тихонько чему-то улыбается. И женщины улыбаются ему в ответ — тихонько и таинственно, улыбаются о своем, о чем знают только они и С.

В другом углу проносится человек в кафтане из синего сукна, в рубашке, подпоясанной шнурком, в лаковых сапогах. Это «баян русской песни». На носике баяна — пенсне, в душе баяна извечная мелкая тревога мелкого человека, лицо у баяна интеллигентного фармацевта, а о фамилии его зачем говорить.

Я пробираюсь между столами, за которыми играют в лото отставные полковники с нафабранными усами еврейских мальчиков, нашедшие приют своему обесславленному мундиру, а с полковниками сидят успокоенные, жирные жены держателей синематографов, худые кассирши («действительные члены союза»), и толстые, обрюзгшие, мудрые деятели кафе-шантанов нынче не у дел.

Время вышибло их из колеи, погнало к Параскева¹, в греческие кофейни и в Пале-Рояль спекулировать на колечках с бирюзой. Об их идеалах, вожделениях и кумирах вы многое можете узнать в клубе. Пройдите в читальню, в комнату, где

¹ Кофейня в Одессе. (Прим. авт.)

на стенах висят чистенькие портреты Горького, Винавера, Липковской. В этой комнате на столике лежит старый экземпляр журнала «Дивертисмент». Уверяю вас, это очень интересный журнал. Особенная жизнь, исполненная легкости, вина, любви и смерти — откроется перед вами. Вы прочтете об умной и красивой Женни Мольтен, приехавшей в Россию в цветущую пору цветущей своей юности. Вы прочтете о ее успехах, о ее поклонниках, о папенькиных сыночках — друзьях ее тела, о маленьких, исколотых жизнью людях — друзьях ее души, о ее кочующей жизни, о бочках выпитого ею вина, ящиках съеденных ею апельсинов, ее муже, муже кафешантанной девы, и ее смерти, о смерти Женни Мольтен прочтете вы в конце. Кроме Мольтен, умерла еще Науменко или Карасуленко, наша русская, страстная, доверчивая, пьяная, добрая и истеричная шансонетка. Она умерла на кровати, усыпанной цветами и облитой духами, не очень хорошими, не очень плохими, средними духами. В комнате ее остались еще телеграммы от чиновников, от прапорщиков, от подпоручиков. Согласно этим телеграммам, подпоручики спешили к ней, целовали ее, на что-то негодовали, и чем-то грозили.

В «Дивертисменте», кроме этого, есть еще «серьезные» статьи о профессиональных нуждах и портреты редактора, красивого мужчины с черными усами и томными глазами. И по усам, и по глазам, и по благородству фигуры, можно сказать безошибочно: редактор был любим в своей жизни и деньгами шансонеток никогда не одарял. В «Дивертисменте» есть рассказы борцов о их первых успехах, об аренах цирка, залитых светом, о толпе Парижа, о женщинах Парижа, восторженно рукоплескавших, о толпе, качавшей мощное и гладкое тело атлета. В каждом номере журнала мы находим родные анекдоты об одесских евреях, о Фанкони, о маклерах в танцклассе, о еврейке в трамвае.

От «Дивертисмента» пахнет Одессой, ее ярким собственноручно сделанным словом. Я скажу больше: от всего клуба, что на Преображенской, пахнет Одессой и, может быть, потому только я и заговорил о нем. По нынешним временам это очень важно, запах родного города. Вот уже четвертый год,

как чужеземные войны не переставая затопляют его. Не ревут больше пароходные сирены, не носится над портом тонкая угольная пыль. Сверкающее солнце освещает тихую, незамутненную воду. Нет Баварии, нет менял, нет расхаживающих кучками по городу высоких, сильных американских и немецких моряков, нет моряков, нет кабачков в порту, где сквозь табачные волны видны склонившиеся пьяные головы англичан, где граммофон хрипло и гордо орет во всю свою большую и старую глотку. Rule, Britannia¹.

За время войны к нам пришли разоренные, чужие нам по духу евреи-беженцы из Литвы и Польши, пришли сербы, румыны. Против последнего человеку, любящему свой город, нечего сказать. Они расцветили Одессу, они напомнили нам то время, когда у нас были негоцианты, греки, торгующие кофе и пряностями, немцы-колбасники, французы-книгопродавцы, пароходные конторы англичан. Они открыли рестораны, заиграли на цимбалах, наполнили трактиры чужой и быстрой речью; прислали к нам красивых офицеров в желтых сапогах, изящных и высоких женщин с красными губами. Эти люди подходят под стиль нашего города.

Но не беда, если другие люди и не подходят. Одесса стоит крепко и ее изумительная способность ассимиляции не потеряна. К нам приезжает расчетливый, оглядывающийся, себялюбивый польский еврей и мы делаем его жестикулирующим, толкающимся, быстро воспламеняющимся и быстро потухающим. Мы все еще перемалываем их. Скоро наступит время, когда уйдут от нас офицеры, привыкшие к Петрограду и к своим маленьким полковым Меджибожам, а вместе с ними разъедутся по своим серым Козловым и Тулам рыжие бородачи, тупо ходящие по нашим улицам и тупо забрасывающие их подсолнухами. В порту нашем вздрагивает сирена, в кабачке старый граммофон прохрипит свое слово о Британии, владычице морей. Наши склады наполнятся апельсинами, кокосами, перцем, малагой, в наших амбарах поднимется зеленоватая пыль от ссыпаемого зерна.

¹ Правь, Британия (*англ.*).

<В ОДЕССЕ КАЖДЫЙ ЮНОША...>

В Одессе каждый юноша — пока он не женился — хочет быть юнгой на океанском судне. Пароходы, приходящие к нам в порт, разжигают одесские наши сердца жаждой прекрасных и новых земель.

Вот семь молодых одесситов. У них нет ни денег, ни виз. Дать бы им паспорт и три английских фунта — и они укатили бы в недостижимые страны, названия которых звонки и меланхоличны, как речь негра, ступившего на чужой берег.

Вот семь молодых одесситов. Они читают колониальные романы по вечерам, а днем они служат в самом скучном из губстатбюро. И потому что у них нет ни визы, ни английских фунтов — поэтому Гехт пишет об уездном Можайске, как о стране, открытой им и не изведанной никем другим, а Славин повествует о Балте, как Расин о Карфагене. Душевным и чистым голосом подпеваает им Паустовский, попавший на Пересыпь, к мельнице Вайнштейна, и необыкновенно трогательно притворяющийся, что он в тропиках. Впрочем, и притворяться нечего. Наша Пересыпь, я думаю, лучше тропиков.

Третий одессит — Ильф. По Ильфу, люди — замысловатые актеры, подряд гениальные.

Потом Багрицкий, плотояднейший из фламандцев. Он пахнет, как скумбрия, только что изжаренная моей матерью на подсолнечном масле. Он пахнет, как уха из бычков, которую на прибрежном ароматическом песку варят малофонтанские рыбаки в двенадцатом часу июльского неудержимого дня. Багрицкий полон пурпурной влаги, как арбуз, который когда-то в юности мы разбивали с ним о тумбы в Практической гавани у пароходов, поставленных на близкую Александрийскую линию.

Колычев и Гребнев моложе других в этой книге. У них есть о чем порассказать, и мы от них не спасемся. Они возьмут свое и расскажут о диковинных вещах.

Тут все дело в том, что в Одессе каждый юноша — пока он не женился — хочет быть юнгой на океанском судне. И одна у нас беда, — в Одессе мы женимся с необыкновенным упорством.

**ОДЕССКИЕ
РАССКАЗЫ**

КОРОЛЬ

Венчание кончилось, раввин опустился в кресло, потом он вышел из комнаты и увидел столы, поставленные во всю длину двора. Их было так много, что они высовывали свой хвост за ворота на Госпитальную улицу. Перекрытые бархатом столы вились по двору, как змеи, которым на брюхо наложили заплаты всех цветов, и они пели густыми голосами — заплаты из оранжевого и красного бархата.

Квартиры были превращены в кухни. Сквозь закопченные двери било тучное пламя, пьяное и пухлое пламя. В его дымных лучах пеклись старушечьи лица, бабьи тряские подбородки, замусоленные груди. Пот, розовый, как кровь, розовый, как пена бешеной собаки, обтекал эти груди разросшегося, сладко воняющего человеческого мяса. Три кухарки, не считая судомоек, готовили свадебный ужин, и над ними царил восьмидесятилетняя Рейзл, традиционная, как свиток Торы, крохотная и горбатая.

Перед ужином во двор затесался молодой человек, неизвестный гостям. Он спросил Беню Крика. Он отвел Беню Крика в сторону.

— Слушайте, Король, — сказал молодой человек, — я имею вам сказать пару слов. Меня послала тетя Хана с Костецкой...

— Ну, хорошо, — ответил Бенья Крик, по прозвищу Король, — что это за пара слов?

— В участок вчера приехал новый пристав, велела вам сказать тетя Хана...

— Я знал об этом позавчера, — ответил Бенья Крик. — Дальше.

— Пристав собрал участок и сказал участку речь...

— Новая метла чисто метет, — ответил Бенья Крик. — Он хочет облаву. Дальше...

— А когда будет облава, вы знаете, Король?

— Она будет завтра.

— Король, она будет сегодня.

— Кто сказал тебе это, мальчик?

— Это сказала тетя Хана. Вы знаете тетю Хану?

— Я знаю тетю Хану. Дальше.

— Пристав собрал участок и сказал им речь. «Мы должны задушить Беню Крика, — сказал он, — потому что там, где есть государь император, там нет короля. Сегодня, когда Крик выдает замуж сестру и все они будут там, сегодня нужно сделать облаву...»

— Дальше.

— Тогда шпики начали бояться. Они сказали: если мы делаем сегодня облаву, когда у него праздник, так Беня рассерчает, и уйдет много крови. Так пристав сказал: самолюбие мне дороже...

— Ну, иди, — ответил Король.

— Что сказать тете Хане за облаву?

— Скажи: Беня знает за облаву.

И он ушел, этот молодой человек. За ним последовали человека три из Бениных друзей. Они сказали, что вернутся через полчаса. И они вернулись через полчаса. Вот и все.

За стол сажались не по старшинству. Глупая старость жалка не менее, чем трусливая юность. И не по богатству. Подкладка тяжелого кошелька сшита из слез.

За столом на первом месте сидели жених с невестой. Это их день. На втором месте сидел Сендер Эйхбаум, тесть Короля. Это его право. Историю Сендера Эйхбаума следует знать, потому что это не простая история.

Как сделался Беня Крик, налетчик и король налетчиков, зятем Эйхбаума? Как сделался он зятем человека, у которого было шестьдесят дойных коров без одной? Тут все дело в налете. Всего год тому назад Беня написал Эйхбауму письмо.

«Мосье Эйхбаум, — написал он, — положите, прошу вас, завтра утром под ворота на Софийевскую, 17, — двадцать тысяч рублей. Если вы этого не сделаете, так вас ждет такое, что

это не слыхано, и вся Одесса будет о вас говорить. С почтением Беня Король».

Три письма, одно яснее другого, остались без ответа. Тогда Беня принял меры. Они пришли ночью — девять человек с длинными палками в руках. Палки были обмотаны просмоленной паклей. Девять пылающих звезд зажглись на скотном дворе Эйхбаума. Беня отбил замки у сарая и стал выводить коров по одной. Их ждал парень с ножом. Он опрокидывал корову с одного удара и погружал нож в коровье сердце. На земле, залитой кровью, расцвели факелы, как огненные розы, и загремели выстрелы. Выстрелами Беня отгонял работниц, сбежавшихся к коровнику. И вслед за ним и другие налетчики стали стрелять в воздух, потому что если не стрелять в воздух, то можно убить человека. И вот, когда шестая корова с предсмертным мычанием упала к ногам Короля, — тогда во двор в одних кальсонах выбежал Эйхбаум и спросил:

— Что с этого будет, Беня?

— Если у меня не будет денег — у вас не будет коров, мо-сье Эйхбаум. Это дважды два.

— Зайди в помещение, Беня.

И в помещении они договорились. Зарезанные коровы были поделены ими пополам, Эйхбауму была гарантирована неприкосновенность и выдано в том удостоверение с печатью. Но чудо пришло позже.

Во время налета, в ту грозную ночь, когда мычали подкальываемые коровы и телки скользили в материнской крови, когда факелы плясали, как черные девы, и бабы-молочницы шарахались и визжали под дулами дружелюбных браунингов, — в ту грозную ночь во двор выбежала в вырезной рубашке дочь старика Эйхбаума — Циля. И победа Короля стала его поражением.

Через два дня Беня без предупреждения вернул Эйхбауму все забранные у него деньги и после этого явился вечером с визитом. Он был одет в оранжевый костюм, под его манжеткой сиял бриллиантовый браслет; он вошел в комнату, поздоровался и попросил у Эйхбаума руки его дочери

Цили. Старика хватил легкий удар, но он поднялся. В старике было еще жизни лет на двадцать.

— Слушайте, Эйхбаум, — сказал ему Король, — когда вы умрете, я похороню вас на первом еврейском кладбище, у самых ворот. Я поставлю вам, Эйхбаум, памятник из розового мрамора. Я сделаю вас старостой Бродской синагоги. Я брошу специальность, Эйхбаум, и поступлю в ваше дело компаньоном. У нас будет двести коров, Эйхбаум. Я убью всех молочников, кроме вас. Вор не будет ходить по той улице, на которой вы живете. Я выстрою вам дачу на шестнадцатой станции... И вспомните, Эйхбаум, вы ведь тоже не были в молодости раввином. Кто подделал завещание, не будем об этом говорить громко?.. И зять у вас будет Король, не сопляк, а Король, Эйхбаум...

И он добился своего, Бенья Крик, потому что он был страстен, а страсть владычествует над мирами. Новобрачные прожили три месяца в тучной Бессарабии, среди винограда, обильной пищи и любовного пота. Потом Бенья вернулся в Одессу для того, чтобы выдать замуж сорокалетнюю сестру свою Двойру, страдающую базедовой болезнью. И вот теперь, рассказав историю Сендера Эйхбаума, мы можем вернуться на свадьбу Двойры Крик, сестры Короля.

На этой свадьбе к ужину подали индюков, жареных куриц, гусей, фаршированную рыбу и уху, в которой перламутром отсвечивали лимонные озера. Над мертвыми гусиными головами покачивались цветы, как пышные плюмажи. Но разве жареных куриц выносит на берег пенистый прибой одесского моря?

Все благороднейшее из нашей контрабанды, все, чем славна земля из края в край, делало в ту звездную, в ту синюю ночь свое разрушительное, свое обольстительное дело. Нездешнее вино разогревало желудки, сладко переламывало ноги, дурманило мозги и вызывало отрыжку, звучную, как призыв боевой трубы. Черный кок с «Плутарха», прибывшего третьего дня из Порт-Саида, вынес за таможенную черту пузатые бутылки ямайского рома, маслянистую мадеру, сигары с плантаций

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИСТКИ ОБ ОДЕССЕ	5
Одесса	7
Листки об Одессе	11
<В Одессе каждый юноша...>	18
ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ	19
Король	21
Как это делалось в Одессе	27
Отец	36
Любка Казак	45
Справедливость в скобках.....	51
Закат	57
Фроим Грач	67
Конец богадельни	72
Карл-Янкель	81
ИСТОРИЯ МОЕЙ ГОЛУБЯТНИ	89
История моей голубятни	91
Первая любовь.....	102
Детство. У бабушки.....	108
В подвале.....	114
Пробуждение.....	123
Ди Грассо	130
Справка	134
Мой первый гонорар	137
Гюи де Мопассан.....	146
Дорога	153
«Иван-да-Марья».....	160
БЕНЯ КРИК	171
<i>Часть первая.</i> Король.....	173
<i>Часть вторая</i>	179
<i>Часть третья.</i> Как это делалось в Одессе	186
<i>Часть четвертая</i>	195
<i>Часть пятая.</i> Конец Короля	201
<i>Часть шестая</i>	208

КОНАРМИЯ	215
Переход через Збруч	217
Костел в Новограде	219
Письмо	221
Начальник конзапаса	225
Пан Аполек	227
Солнце Италии.....	234
Гедали.....	237
Мой первый гусь	240
Рабби.....	243
Путь в Броды.....	246
Учение о тачанке	248
Смерть Долгушова	250
Комбриг 2	254
Сашка Христос	256
Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионьча	260
Кладбище в Козине	265
Прищепа	266
История одной лошади	267
Конкин.....	270
Берестечко	273
Соль	276
Вечер.....	279
Афонька Бида	282
У святого Валента	287
Эскадронный Трунов.....	291
Иваны.....	298
Продолжение истории одной лошади.....	304
Вдова	305
Замостье.....	309
Измена	313
Чесники	316
После боя	320
Песня	323
Сын рабби	326
ДНЕВНИК 1920 ГОДА	329

Літературно-художнє видання

БАБЕЛЬ Ісаак
Одеські оповідання
(російською мовою)

Збірка

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 16.05.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 7000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Літературно-художественное издание

БАБЕЛЬ Ісаак
Одесские рассказы
Сборник

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 16.05.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 7000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

У районі Модаванки царює банда знаного короля нальотчиків — Бєні Крика. Бєня — одеський Робін Гуд, якого бояться багатії та поліціанти. Кожного дня він планує для своїх відчайдушних шибайголов нове ризикове діло. Вузькі приморські вулички, романтика розбійницьких авантур і халеп, симпатичні герої, безжурні й часом смішні...

До збірки ввійшли «Одеські оповідання», «Аркуші про Одесу», повість «Кінармія», кіноповість «Бєня Крик», а також «Щоденник 1920 року».

Бабель И.

В12 Одесские рассказы : сборник / Исаак Бабель. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 416 с.

ISBN 978-617-12-4545-7

В районе Молдаванки царит банда знаменитого Короля налетчиков — Бени Крика. Бєня — одесский Робин Гуд, которого бояться богачи и полицейские. Каждый день он планирует для своих отчаянных сорвиголов новое рисковое дело. Узкие приморские улочки, романтика разбойничьих авантур и передраг, симпатичные герои, неунывающие и порой смешные...

В сборник вошли «Одесские рассказы», «Листки об Одессе», повесть «Конармия», киноповесть «Бєня Крик», а также «Дневник 1920 года».

УДК 821.161.1